

*К.С. Пигров**

ДОЛГИЕ ПРОГУЛКИ С СОБАКОЙ **(благо чтения и долг публикации)** (Странички из дневника)

Предисловие

В данном случае самое краткое Предисловие необходимо, чтобы попытаться преодолеть, возможно, раздраженное удивление Редактора и Читателей.

Аргументы просты: философствование многообразно и совершенно не сводится к наукообразной форме «статей», «учебников» и «монографий». И в других формах можно выразить философское содержание. Насколько это здесь удалось — судить не Автору, который уже пытался работать в такой форме и даже обосновать для себя соответствующую стилистику¹.

12.92

Семинар по спецкурсу «Социальная философия С.Л. Франка». «Влечет» («вдруг»!) к «литературным примерам». С.Л. Франк, Л. Андреев («Жизнь Василия Фивейского») и М. Алданов.

Не превращаю ли я философский факультет в филологический?

Возможно, что это потаенное покорение философского своеобразия позитивизму. Сциентистская эпоха признает существование и необходимость наряду с точными науками также и «изящной словесности», но не предусматривает даже номинации «Философия» в Нобелевской премии. А. Камю произносит в 1957 году свою нобелевскую речь как литератор, а не как философ. В.С. Соловьев в 1900 г. избирается почетным академиком Академии наук по разряду изящной словесности.

Через двенадцать лет, когда мы с Рыцарем и другими пили сухое вино и закусывали сыром в Ботаническом садике, я завел разговор о М. Эпштейне. Мол, «какой талантливый!» Рыцарь презрительно цедит: «Не философ!». — Тот самый Рыцарь, который после окончания факультета собирался публиковать художественное, — тот самый Рыцарь который особо привечал место в постперестроечной учебной программе нашей кафедр-

* Пигров К.С., 2006

Пигров Константин Семенович — кафедра социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского университета

ры, где значилось: «*Философия как литература*». Я говорю: Эпштейн своим существованием «доказывает», что в основе философского дарования лежит филологическое дарование. Внутренняя связь филологии и философии принципиальна, хотя и недостаточно прояснена.

В тебе, как вирусы, живут идеи и образы, как они жили более чем 200 лет назад в Канте. Если ты думаешь о Канте, то Кант становится такой живущей в тебе идеей. Так он входит в твою духовную жизнь.

Не только ты живешь Кантом, но и Кант живет тобой.

Известно, что главное не столько контролировать свои поступки и слова, сколько контролировать свои мысли. Способ направлять свою мысль (думание) в определенную сторону прост: нужно читать.

Чтение — движение по рельсам², письмо — прокладывание нового пути. Когда я пишу текст, а потом выправляю его, я выправляю свои собственные мысли, я выстраиваю сам себя. Я приспосабливаю себя так, чтобы идеям во мне было жить «удобно», «хорошо».

Есть, впрочем, вещи, которые я читал, но о которых я не думаю, которые «не произвели впечатления», не живут во мне, не *прижились*.

Карсавинские чтения. Выступает С.С. Хоружий. Я спрашиваю у него, является ли Карсавин классиком, которого следует включить в учебные курсы. Он отвечает, что, мол, это «рабочий вопрос». Мол, этим должны заниматься зам. декана и методисты. — Но нет! Учебная программа — только предлог для того, чтобы выстроить иерархию духовной жизни, отделить классиков от не-классиков.

Мысли — это главное в твоей ограниченной по времени жизни. Поэтому направленность чтения играет ключевую роль. Не столько знать, что читать, как — чего не читать.

Фильмы А. Сокурова. «**Круг второй**». Молодой человек едет к больному отцу. Но тот уже умирает к его приезду. Хороня отца, сын проходит круги ада. Грязь, неустроенность. Отца ему самому приходится обмывать снегом на улице около трактора: воды нет. Сын спит с покойником в одной кровати (нет другой кровати!), не может расплатиться с похоронным бюро (у него украли деньги). Наконец, надо выносить гроб. Но лестница настолько узка, что вынести гроб с покойником удастся только ценой огромных усилий, унижения.

Радикальная неуютность бытия.

«**Камень**». Тот же молодой человек строит по ночам дом-музей Чехова в Ялте. И вдруг появляется призрак самого Чехова. Призрак очень плотский — гуляет, любит жизнь, плотность материи, запах, вкус («колбаски еще не осталось?»).

Призрак Чехова — это и есть идеи, которые живут здесь и теперь.

Чехов, «Три сестры». Карточками в художественной картотеке мне как-то удается уловить смысл чеховских пьес, который раньше ускользал от меня. Но вот прошло больше 12-ти лет и я снова потерял эту изюминку. Дело, ³наверное, в том, что чеховские пьесы не включены у меня в ежедневное проговаривание.

В духовной жизни нет необратимых завоеваний. И каждый день ты должен завоевывать свой уровень все снова и снова. — Ты плывешь против течения, и текущая вода тебя сносит.

Просматриваю предыдущую тетрадь дневника и картотеку итогов из предыдущих дневников. Что я сделал хорошего за прошедшие 4 месяца? — *Прочел Ясперса и Тойнби!*

Но это не мало. Чтение дает высший взлет, полноту бытия.

Но самый высший взлет — это чтение и работа с текстом моего собственного дневника!

Право на чтение имеют все. Именно в чтении смысл бытия человека как человека, т.е. — символизирующего существа. Чтение преодолевает пустоту жизни. Чтением снимается гнетущее чувство блефовости твоего собственного поведения. В погруженном сосредоточении чтения ты чувствуешь себя наиболее адекватно. В чтении ты обретаешь смысл жизни, ты обнаруживаешь полноту бытия. Во всяком случае — находишь главное в полноте бытия. При этом оказывается не столь важным (по крайней мере — субъективно, в смысле сиюминутного переживания), «хорошую» книгу ты читаешь или «не очень хорошую, из серого потока».

Как только жизнь тебе начинает казаться пустой, вспоминай о спасительности чтения.

Конечно, чтение чтению рознь. Возникает послевкусие. Либо возвышенное, либо чувство досады и пустоты (после чтения газет): «как будто лягушку проглотил». Правда, некоторые «детективы» тоже оставляют после себя скверный вкус во рту. Но это исключение. Применительно к газетам и ТВ — это правило.

ТВ, вообще созерцание «экранных искусств», тоже есть «чтение» в широком смысле слова, но с ТВ складываются устойчиво отрицательные отношения. В нем, как и в газетах, чаще всего осуществляются изощренное, мягкое насилие и системное коварство, манипулирование тобой. — В ТВ нет гипертекста. Или — если он и возникает «сам по себе» — делается (неужели сознательно!?) все, чтобы его разрушить. Нельзя (или очень трудно) вернуться, например, к программе «Время» за 1981 или за 1991 годы.

В книгах этого нет. Какая бы книга ни была. Смысл книжных полок, которые дома подчас кажутся такими абсурдными, а в библиотеках — такими необозримыми, — это и есть гипертекст.

Если чтение — это способ направленного мышления, то мышление есть прошлое чтение. Ибо, если ты раньше читал, то твоё мышление и воспоминание воспитаны твоим прежним чтением. Когда ты ослепнешь, то останется возможность мышления, мысленного созерцания и воспоминания. Ты, уже слепой, будешь все снова и снова читать то, что ты уже читал.

Пока ты мыслишь, ты живешь, — твоя жизнь наполнена высшим смыслом. Поэтому чтение — технология величайшего блага и подарок судьбы.

«Как хорошо уметь читать...»

Письмо — прокладывание рельс, по которым ты мыслишь. Каждый ли имеет право на письмо? — Да, прежде всего, в той мере, в какой *письмо есть инобытие чтения*. Например, письмо своего дневника.

Но, кроме того, верно и обратное: *чтение есть инобытие письма*. Мы читаем для того, чтобы писать и публиковать.

Письмо такое же высокое благо, как и чтение. Каждый имеет право не только на чтение, но и на письмо, на публикацию. Более того, каждый публиковать *обязан*.

Публикация — это жест гражданина. Гражданин преодолевает соблазн тихонько в стороне «помолчать, послушать». Он обязан делать свои результаты доступными об-

ществу, какими бы эти результаты ни были. Гражданин берет на себя ответственность высказывания.

И если публикующий уже решился (вот она, «фундаментальная сознательная решимость, обращенная к сути бытия»!), то он должен быть готов к трагедии отказа в публикации, к трагедии непоправимой незамеченности. Настоящий человек может получать постоянные отказы, но не должен прекращать попыток опубликоваться.

Чтение лекций — это инобытие чтения, письма и мышления, причем по природе более древнее, восходящее к дописьменной эпохе проповедное слово. Чтение лекций — коллективное мышление, по причине своей древности наиболее аутентичное, базовое.

Трагедия отказа в публикации и незамеченности существует и в чтении лекций: ты говоришь, а аудитория тебя не слушает, не хочет слушать, не слышит. То же самое — писатель пишет и публикует, а его *не читают* («Эхо» Пушкина).

Трагедия неслышанности и непрочитанности происходит сплошь и рядом. Поэтому жизнь индивида как автора трагична. Мы, подобно тополям, пускаем по ветру пушинки, но они вовсе не обязательно укореняются и прорастают.

Итог: чтение — высшая радость, окончательное разрешение загадки человеческого бытия, публикация — высшая обязанность гражданина.

Правда, обязанность публикации предполагает достойные пути для этого.

Во-первых, не следует «продавливать» и «продавать» публикацию во что бы то ни стало.

Во-вторых, есть базовое понятие совести. Совесть запрещает тебе «мусорить», публиковать то, что ты сам считаешь слабым, недостойным тебя. Не перекладывай на других работу над своим текстом.

Прочел (конечно, перечитал!) «Жизнь Бенвенутто Челлини» под влиянием не совсем ясного импульса. Может быть, Возрожденческая тематика раскрывает мне каким-то образом личность Мирабо. В целом книга произвела сильное впечатление, более сильное, чем при первом чтении.

Зачет по социальной философии. Основа моих вопросов студентам состоит в следующем: что общего в идеях Франка, Маркса, Вебера и Шютца? Попытка выделить некий социально-философский инвариант.

Через 12 лет такая постановка вопроса представляется мне «слишком сложной». Неужели я (вместе со студентами) деградировал в теоретической части социальной философии, т.е. сегодня я мыслю примитивнее? Разделив различные «модели» социальной реальности, я не ставлю так остро вопроса об их единстве.

01.93

Новогодний праздник в кругу семьи. Я — единственный! — из всей семьи остался у телевизора чуть ли не до пяти утра. Вот таким жалким образом «реализуется» (разменивается на медные деньги) моя способность к сосредоточенной и длительной духовной работе.

Сидим с дочерьми и глядим на портрет моего деда: пока есть портрет, душа остается бессмертной. Но не только портрет, но — созерцаемый, рассматриваемый портрет.

Культ предков необходим. Начиная с культа отца, матери, культа деда и других близких. Эти домашние культы перерастают в культ классиков.

Дело не в том, чтобы похоронить, ухаживать за могилой, сажать цветочки, ругаться с гробовщиками. Или, главным образом не в этом. Дело в сохранении текстов ушедшего близкого человека, его писем, фотографий, дневников. Монтень говорил о цели своих «Опытов»: оставить память о себе у близких (и поразительным образом — все интеллектуальное сообщество в конце концов оказалось этими «близкими»!)

Духовная жизнь — это жизнь образов во мне.

В создании образов смысл существования всякого творца. Бенвенутто создавал образы. Монтень создавал образы. И каждый человек в своих текстах (в широком смысле, включая и фотографии) оставляет после себя образы, которые живут.

Продолжаю тему Возрождения. С энтузиазмом погрузился в книгу Лоренцо Валлы. Работа «Об истинном и ложном благе» выстроена блестяще.

Непонятно: чувство возвышенности, которое возникает при чтении, связано с самими идеями Валлы, или с тем, что я сумел на них сосредоточиться? В Валле я вижу предтечу французских материалистов, узнаю нотки Гольбаха, Ламметри, Гельвеция⁴, (возможно, их роднит эпикуреизм).

Эпикура теперь монополизировали или «доместицировали». Эпикур приспособлен к каким-то домашним служебным обязанностям благоустройства и карьеры в научно-философском сообществе.

Бег в Юсуповом саду. В связи с напряженным чтением мне требуется больше движения. Наш «быт» устроен очень просто: длинные прогулки или легкий бег с неспешным обдумыванием прочитанного — какого идеала еще требовать от благоустройства быта?!

Практика размышлений на прогулке делает жизнь полной. Даже если идет речь о прогулках по страшному, дымящемуся, гремящему, разящему бензиновыми парами и помойкой городу.

Вечер в Доме ученых: В. Набоков. Известность Набокову принесла «Лолита». Общество требует, просит, умоляет о предельной искренности, откровенности, может быть, до уровня скандальности. И Пьер-Безухов и, особенно, Волчок хвалят меня за публикации моих дневников, где именно — откровенность. Вот что самое ценное — откровенность, которая, разрывая ткань вежливой общественности, выводит нас к соборности.

Оказывается, в последние годы жизни Набокова посетила Бэлла Ахмадулина. — Ну, как мой русский язык? — кокетливо спросил он у нее. — Лучше не бывает! — ожидаемо ответила поэтесса. — А я думаю, возразил мэтр, мой русский язык, как *подмороженная клубника*!

И в самом деле, вспоминая русский язык других эмигрантов первой волны, я думаю об особой красоте и прелести этой «подмороженной клубники». — Как дворянская Россия, ушедшая навсегда!

И философские прорывы в России станут возможны тогда, когда мы создадим другой русский язык. Филологическая задача.

Перечитал свою статью о единстве естественнонаучного и социогуманитарного знания. Она производит тяжелое впечатление, прежде всего, литературно. В ней нет плавности нарратива, который вырабатывается не за письменным столом, а на прогулках, в долгих размышлениях.

Милетец «наезжает» на меня. Он хотел бы «разобраться» со мной⁵. Взял мою книгу «Научно-техническое творчество». Но так до сих пор и «не разобрался». Не хватило сил освоить, мыслящим образом прочесть мою книгу? Или — показалось не интересно, скучно возиться со мной, с моими убогими идейками? Что, в сущности, одно и то же.

С каким трудом мы читаем друг друга, и как неглубоко, поверхностно. Вспоминаю презентацию одну из книг в «Борее». Оратор, друг автора⁶, прямо здесь готовясь к выступлению, берет презентируемую книгу, небрежно листает, выхватывает пару слов и начинает важно разглагольствовать об авторе, грубой лестью подменяя глубину.

Какова природа раздоров в интеллектуальной среде? Казалось бы, здесь не действует закон сохранения, повода для ссор нет, — нечего делить. Но ссоры возникают — страстно-ненавистные. Поводы для разногласий ничтожны, а ненависть самая настоящая. Как у Я. Буркхардта о Возрождении: «постепенно сложился обычай относиться друг к другу плохо».

Петр-Первый, когда он вдруг (видимо, «вдруг» и для самого себя) вместо «Предисловия» написал к моей книге разносную рецензию, попытался жить «по-настоящему». Но эта атака Дон-Кихота на серую обыденность, персонифицированную мной, захлебнулась. Я не принял такого Предисловия-рецензии, но будь я уверен в своей книге, принял бы. И вся «общественность» тоже не поддержала новаторский, по существу, жест Петра-Великого. И он уступил. — Да и как он мог настаивать?! Ведь и он читал мою книгу поверхностно, по диагонали.

Прочел тетрадь своего лирического дневника «Воспоминание и победа». Какой жуткий текст! Почтище «Записок из подполья». Господствует мысль о моей обреченности, причем на генетическом уровне.

«Воспоминание и победа», вопреки бодрому названию, воспринимается по противоположности с Бенвенутто Челлини. Эпиграфом к Предисловию там выбраны слова: «Каждый человек стоит столько, во сколько он себя ценит». Пьер-Безухов низко оценил меня в моем «Плаче на Лестнице» именно потому, что я низко ценю себя сам. Априорная влюбленность в самого себя необходима и существенна. Я не умею себя любить (есть ли такая любовь к себе в самом Пьере-Безухове? — Похоже, что нет. Именно поэтому его задевает и жгуче интересует моя низкая самооценка).

Квентин в своем сочинении о достоинстве, по существу, пытается поставить именно эту тему.

Последнее время долго сплю. Ложусь в 12 или в 1 час, а просыпаюсь в 10.30. Зима? — Или что?

Цивилизованный человек встает рано. Новоевропейская цивилизация — это способность рано вставать. У Марселя Пруста существенна записка к самому первому тому: «Давно уже я стал ложиться рано». Я думаю, что это предполагало и раннее вставание, а главное — уединение и сосредоточенность на самом себе.

Прогулки: обдумывал и записывал свои впечатление по Лоренцо Валле. Через 12 лет досада: — столько занимался Валлой, и тот так и не поселился во мне жить!

Правда, еще не все потеряно. Я еще вернусь! Валла заживет во мне!

Прочел (конечно, же — перечитал!) Чернышевского «Что делать?» Меня интересо-

вала в нем тема наслаждения, но впечатление оказалось шире. Прежде всего, связь с «Отцами и детьми», тоже недавно перечитанными.

Я, по существу, «в возрасте» повторяю школьную программу по литературе! Вот что значит: «меня влечет в литературу».

Закончил на прогулках писать 100 листов «Философской антропологии». Через Л. Валлу и Чернышевского.

Как двигаться дальше? Как получить какой-то результат? Ответ простой: перечитывать, перебирать, перекладывать карточки. Связывать их между собой, (тоже — можно на прогулках).

Перечел, разложил — пусто! Никакого впечатления. Не видно никаких идей. Через девять лет я в безумной надежде, что «идеи как-нибудь появятся сами», отправил эти размышления в компьютер. Но нет... Не появились. Неужели такая беспросветная пустота?!

Надо биться снова!

Ученый совет. Две защиты. Работы — вдруг! — оказались слабыми. Плохо выступали рецензенты, о которых, обычно, как о покойниках или как о жене Цезаря. Отзыв ведущей организации был слабым прямо вызывающе.

В целом наблюдается тенденция к деградации диссертаций. Они принимают *фельетонный* характер. Даже по объему текстов они еле-еле переваливают за сто страниц, так же как и по числу источников (всего 110-140 пунктов).

После защиты маленький «банкет» (без вина!). где я оказываюсь в центре стола и разглагольствую о том, что «Что делать?» — это эротический роман, а все мы вышли из «Декамерона». Мэтр выступает к этим моим претенциозным разглагольствованиям оппонентом. Говорит (по-французски!), что я — это «испорченный ум». — Я не понимаю. Он высокомерно переводит.

Возникает атмосфера падения нынешнего поколения.

Семинар по Сокурову и встреча с ним организованы Колдуньей. Состав семинара слабый, за исключением Сосредоточенного.

Позже я написал «Бессловесное философствование Александра Сокурова». Напечатал этот текст в рукописном журнале «100 страниц». Колдунья давала номер журнала Сокурову. Он вежливо похвалил журнал и вежливо промолчал о моем тексте.

Сокуров произвел большое впечатление как личность. Одна из главных его тем: плата за кино очень высока — это не 200 р. за билет, а два часа времени, которые вы отдали этому фильму. На встрече с Сокуровым видишь — что значит — не терять времени. Плата за кино не деньги, а время своей жизни. Нельзя терять время! (а как высока моя личная плата за ТВ!!!)

ТВ каждый день показывает сериалы, которые представляют собой пародии на Драйзера. ТВ пачкает восприятие, между тем необходима чистота восприятия.

Европейская традиция — развлечение. Феллини, этот кот, — пушистый, богатый, сытый, — пытается развлечь⁸. Я, говорит Сокуров, российский человек и не занимаюсь развлечением⁸. Не могу добиться доброты в картине, хотя очень бы хотелось создать что-то бесконечно доброе.

Атмосфера жизни такова, что наше кино не востребовано. Ни одна из картин не снята полностью. Кончались средства и ставится точка в картине⁹.

Мужчина должен работать. Философия — тяжелый интеллектуальный труд: как заставить себя все время мыслить? Кино вообще неприятное занятие, творчество на глазах у всех. Уж лучше быть учителем в антропософской школе.

Физическое существование имеет абсолютную ценность. Физическая жизнь требует больших средств. Тело умершего не исчезает. Оно существует бесконечно долго¹⁰. Кремация немислима. Дети — не дети своих родителей¹¹. Между телом и духом сложные отношения. Концентрация этих сложных отношений на кладбище. Дух, к примеру, недостаточно покинул тело Тютчева.

СПб — чужой мне город, говорит Сокуров. Архитектура — организация времени. Петербургской архитектуре нельзя противостоять. Достоевский — голубь в этом городе.

«Ион» — два лежащих в разных плоскостях способа бытия. Может быть, поэзис и праксис. Рапсод Ион, с одной стороны, и коллективный Сократ, рефлексия по преимуществу, с другой.

Контакт между бессмертной душой, проще говоря, — человеком, который что-то сделал, и смертными душами, которые сгинут.

Душе не нужно зрение. Бытие художника — это внерефлектирующее бытие, это ночное поле, дыхание ребенка¹².

Актуальное бесконечное, в мгновении все бесконечно¹³.

Изображение — мои ноги, музыка — моя душа. Свободное движение музыки и шума, изображения и названия, которое живет своей жизнью. Должно быть свободное пространство.

На семинаре Колдуны я самый старый, и этим, по-видимому, несколько сковываю публику. Хотя, носитель стихии комического, которая плещется во мне, я пытаюсь все время смеяться и шутить. В «Камне» Сокурова тень Чехова настроена на юмор. Персонаж Смоктуновского в фильме Хуциева «В четверг больше никогда» — веселящийся старец.

Воскресенье. Проснулся рано, читал Пыляева «Старый Петербург». Когда закончил, то возникло ощущение, что читал телефонный справочник. Однако есть какое-то общее, неясное, неопределенное настроение, в целом положительное. Из Пыляева тема — «Великий человек и город». Совпадение города и великого человека. Их мистическое отождествление.

Пыляев связан с темой «Археолога» у Пьера-Безухова и с философией пространства, например у Устьянцева, у Тамары Фокиной. — с философией архитектуры.

Начал читать в БАНе Делеза и Гваттари «Капитализм и шизофрения». — реферат Рыклина. Благодаря прогулкам, на которых я обдумывал этот темный текст, он стал мне более понятным.

«Аврора» Беме. Своей материальной настроенностью эта вещь связана с Валлой и Челлини.

Через двенадцать лет Беме не живет во мне совершенно!

Я первый оппонент по диссертации Комильфо о научном атеизме. Хотя, по словам, я выступал «блестяще», но у меня осталось чувство моего дилетанства. Религиозные вопросы я не продумал.

Хоры Чайковского а capella. Больше впечатление, чем раньше. Русская цивилизация совершенно особая, интуитивная. В противоположность Beethovenу, которого я слушаю бесконечно.

«Французская песенка», которую я узнал на этой пластинке, представляет финал «Элегии из России» А. Сокурова. Какая ирония! Некая ключевая мелодия, «обозначающая» Россию, есть «Французская песенка»!

В БАНе встретил Бурундука. Увидел, что он читает «всякую ерунду», и произнес речь о пользе чтения первосортного (избирательность!), о необходимости риска и опьянения в философии. Мол, летать надо! И ключом к полету является *философия как литература*. Вместо того чтобы читать «всякую советскую ерунду» в философии, лучше прочесть хороший роман.

Я убеждал его, но на самом деле убеждал себя. Сам «люблю» читать всякую второсортную ерунду. Я проповедовал об избирательности *ему*, что противоречило самому принципу избирательности. Именно ему, человеку фундаментально униженному, именно ему и не следовало проповедовать тему избирательности. Именно по отношению к нему принцип: «Молчать!»

Избирательность — это и есть аристократизм. Аристократизм — это и есть избирательность.

Через десяток лет Бурундук опять появился на кафедре и с унижениями, «с банкетом», «с подарками», просил, чтобы мы поддержали его в присуждении ему звания профессора. Мы взяли подарки, откушали на банкете. Как можно ему было после этого отказать?! Тем более, что он обещал протекцию в медицинской помощи.

Но разве так «вредна» была проповедь Бурундуку для меня самого?! Да, я использовал его в том, чтобы в теме избирательности утвердиться, чтобы проговорить ее. Лучше бы, конечно, я это сделал в дневнике, «наедине с собой».

Лучше ли? Энергию рождает общение. «Наедине с собой» я многое и не продумал бы. Спасибо «публике» в широком смысле, которая побудила меня к высказыванию, хотя всегда ли была она «достойна» этого высказывания?

Я постоянно возвращаюсь к выводу, что *сказать лучше, чем промолчать* (конечно, если ты сумеешь отразить смысл своего высказывания). *Действовать!* Даже если публика «слаба».

Что ты знаешь о подлинном достоинстве «публики»? Возможно, что она, эта публика, и «поумнее» тебя, и «глубже», и «заслуживает гораздо более глубокого».

Но я снова и снова повторяю себе, что *молчать лучше, чем болтать без умолку*. Болтовня, желание выскочить вперед унижают и тебя и других.

Купил Борхеса, Данте, Захер-Мазоха. Через двенадцать лет подвожу итоги. «Божественная комедия» была мной действительно прочитана. Я понял, осознал ее значимость. Хотя — в полной ли мере? Рыцарь обогнал меня в понимании «Божественной комедии». Возможно, именно я подтолкнул его на знакомство с этой книгой.

Книга о де Саде была у меня уже давно. Захер-Мазоха и постмодернистские комментарии к нему я прочел, но так и не сумел вписать этого автора в свой тезаурус. Еще меньше, чем де Сада.

Пожалуй, меньше всего повлияла на меня книга Борхеса. Я даже не уверен, прочел ли я ее за эти 12 лет.

Бетховен собрал авторов «Слова и дела». Не нужно было ходить. Пустые собрания. Я не оценил тогда, что в Бетховене скрывается «воля к власти», которая так и не реализовалась; как и в Мирабо.

День 28.01.93 был оправдан тем, что я в БАНе читал «Капитализм и шизофрения».

«Дорогою свободной

Иди, куда влечет тебя свободный ум...»

Ландшафт меняется, дорога петляет. В широком смысле пушкинская дорога воплощает подвижность, неуловимость искусства, склонного к перемещениям и поэтому не придерживающегося твердых правил насчет того, куда и зачем идти. Сегодня к вам, завтра к нам. Искусство гуляет. Как трогательно, что право гуляния Пушкин оговорил в специальном параграфе своей конституции, своего понимания свободы.

По прихоти своей скитаться здесь и там.

Дивясь божественным природы красотам...

...

Вот счастье! Вот права...

Искусство зависит от всего — от еды, от погоды, от времени и настроения. Но от всего на свете оно склонно освободиться. Оно уходит из эстетизма в утилитаризм, чтобы быть чистым, и, не желая никому угождать, принимается кадить одному вельможе против другого, зовет в сражение, строит из себя оппозицию, дерзит, наивничает и валяет дурака. Всякий раз это — иногда сами же авторы — принимают за истинный курс, называют каким-нибудь термином, течением и говорят: искусство служит, ведет, отражает и просвещает. Оно все это делает — до первого столба, поворачивает и —

Ищи ветра в поле.

Некоторые считают, что с Пушкиным можно жить. Не знаю. Не пробовал. Гулять с ним можно»¹⁴.

Долгая прогулка с собакой. Дошел до Марсова поля. Без мыслей, без блокнота. Спокойное созерцание пыльного города и маленьких собачьих приключений.

Примечания

¹ Пигров К.С. Шепот демона // Мост. май, 2003 (№55). С. 18-21; Он же. Вещь и время // Время/бремя артефактов (Социальная аналитика неоправимости).СПб, 2004. С.4-27.

² Чтение как мышление «по рельсам», по более глубинным образом связано со временем, с самой идеей времени. Время, по Фасмеру, в своей этимологии родственно древнеиндийскому *vartma*. Ср. — колея, рывина, дорога, желоб. Сюда же «вертеть». В этимологии две концепции времени: с одной стороны, концепция линейная (колея, рывина), а с другой — циклическая (вертеть). Метафора колеса выразительна. С одной стороны вперед по колею, а с другой стороны — кругом.

³ Разве что цитата из Чебутыкина о том, что Чебутыкин «не читал, а на лице своем показал будто читал».

⁴ Гельвеций — один из ныне «презираемых» авторов. Могу себе представить выражение лица нашей философской молодежи на кафедре при имени Гельвеция! Только самостоятельные философы, вроде И.И. Вершинина, могут себе позволить роскошь высоко отзываться о Гельвеции.

⁵ Меня сегодня коробят написанные в дневнике 12 лет назад словечки из криминального жаргона: «наезжает», «разобраться».

⁶ На презентациях эта фигура вроде «подружек невесты» на свадьбе.

⁷ Тема, с которой Сенека начинает свои «Письма к Луцилию».

⁸ Чернышевский в «Что делать?» явно хотел «учить, играя». В противоположность ему: Венедикт Ерофеев: «Разве можно пить для удовольствия?! Я пью не для удовольствия!» — Достоевский о том же: «Вопрос разрешить!». Вот что действительно нужно!

⁹ Аналогичным образом могу ли я сказать, что я закончил хоть одну статью или книгу? Закачивалось время и ты ставил точку.

¹⁰ Антропософия? Циолковский?

¹¹ Та же тема у Бердяева в «Самопознании».

¹² Ср. художник Аксель Линд, который писал только море без всяких «кораблей» и других вещей, «оживляющих» морской пейзаж.

¹³ Кардано: если душа бессмертна, то к чему ей пустой блеск славы, а если она смертна, то тем более.

Терц А. Прогулки с Пушкиным. М., 1993. С.139-140.

K.S. Pigrov

**A LONG WALK WITH A DOG
(GOOD READING AND DUTY OF PUBLICATION)
(pages from a diary)**